

Стихотворение

Мимолетом встретити
И нажить утра,
Лишь стихом отблестит
На своем пути.

Не влюблять слова,
Не молить, не ждать,
Не нарушить слова,
Не солгать опять.

Только на мгновение
Взгляд в глаза взглянуть,
Только легкой тенью
Пересечь ей путь.

В беззаботной рбни
Говорить о нас,
В мимолетной встрече
Полюбить на час.

Чтобы в сердцах оба,
Сквозь года, вдали,
Этот миг до гроба
Сохранить могли.

Мимолетом встретити
И сказать: прости!
Лишь стихом отблестит
На своем пути.

А. Блох

Университет в Америке

Вот уже три года как я состою профессором в одном из университетов Соединенных Штатов, живя профессорской коллегией и студентами. И там же мереще в с большой неохотой беру за перо, чтобы вкратце изложить отличительные черты академической жизни в Соединенных Штатах. За эти три года я изучил немало одну, но общую довольно тривиальную истину: жизнь большой страны, особенно такой страны, как Америка, так сложна, разнообразна и своеобразна, что писать о ней без долгого и специального изучения может только тот, кто пробывал в стране несколько месяцев и упомянутой тривиальной истины не почувствовал. Мне не хотелось бы быть в положении одного из моих американских коллег, который после четырех месяцев пребывания в России пишет вот уже четвертую книгу о России. Впрочем, он созолог, а я историк.

Тем не менее, я считаю полезным сказать в «Звене» несколько слов об американской академической жизни. В прошлые годы мною из эмигрантских тепер интересуют, представления же об особенностях академической жизни Америки у большинства русских весьма случайны и туманны.

Главной особенностью американской академической жизни является то, что из сотен высших учебных заведений Америки, крупных и мелких, видо не содержится и не создано Соединенными Штатами, как таковыми, — одной нацией. Все, что делается в Аме-

рике для высшего образования и воспитания и огромная часть чисто научных учреждений Америки созданы и содержатся либо отдельными штатами, либо отдельными группами лиц (церкви, города и т. д.), либо отдельными крупными жертвователями на капиталы, или пожертвованные. Текущий бюджет университетов составляется частью из ассигнований штатов и доходов с казначейств, принадлежащих университетам и колледжам, частью из доходов самих учреждений, причем последние статьи не играют главной роли. Учебных заведений, содержимых исключительно на плату за учебу, в Америке не имеется вовсе. Если нужны расширения университетов, новые постройки и т. д., на сцену выступают либо отдельные штаты, либо бывшие слушатели, либо частные жертвователи. И тем не менее, огромное большинство университетов процветает, растет и развивается, и число их увеличивается с каждым днем.

Второй отличительной особенностью надо считать то, что университеты управляют отнюдь не профессорской коллегией. Средства находятся в руках особого коллегиального органа, избираемого разными способами, но не из среды университетских профессоров. Этот же орган назначает президента университета и декана, а эти последние руководят всей сложной жизнью университета, как административной, так и учебной. То, что соответствует русским советам университетов, сохраняется от времени до времени, высказывают сообщения президента и декана, иногда обсуждаются некоторые вопросы, но ни власти, ни контроля над администрацией не имеют. Учебная жизнь, наряду с денариом, регулируется механизмом ячеекми университетского учебного персонала, департаментами с их преподавателями. Голоз этих департаментов даже в учебных делах только совещательный. Даже кандидатур в профессора они только называют. Решение принадлежит декану и президенту, утверждение — названной коллегии.

Университеты Америки значительно более сложны и громоздки, чем университеты Европы. Это скорее огромные политехникумы, с европейскими университетами в центре. Представьте себе, если бы из Петроградского университета были присоединены, как его составные части, технологический институт, медицинская академия, горный и лесной институты с сельско-хозяйственной академией, коммерческой институт, школы домоводства и организации народного университета, и вы получите приблизительно представление о размахе и строю такого Американского университета. Прибавьте к этому, что и юридический факультет выделен в отдельный институт, с самостоятельным образом практического характера. Итак, университетское образование, Letters and Sciences — а вокруг ряд школ практического характера; вот господствующий тип Американского университета. Интерес и средства между этими двумя частями распределяются сравнительно равномерно. Тенденция к интерпретации технических школ наблюдается, но не принимает катастрофического характера.

Учебная жизнь Американского университета многим развивается от учебной жизни европейских университетов. Основное стремление университетов не столько воспитать в студентах научное мировоззрение, сколько сообщить им известное количество разнообразных сведений общего и технического характера. Эта работа обучения носит массовый характер. Гордостью многих американских университетов является принадлежность как можно большее количество слушателей, т. е. сделать университет доступным всем и усвоенными если не всем (это идеаль), то огромным большинством. Рядом с этой тенденцией наблюдается и другая: из углубленного обучения, приданию ему большего научного характера, ограничивая число студентов соразмерно с количеством хорошо подготовленных преподавателей. Борьба этих двух тенденций идет почти в каждом университете. Трудно сказать, какая из них одержит верх. Возможно, что постепенно найдется средняя линия, более или менее удовлетворяющая оба лагеря. Добрым симптомом является быстрый рост американской науки, импозитной корн в университетах, все большее количество профессоров, хоявее в творить в своей области.

Нормальное развитие университетов, как центров создания научного мировоззрения, затрудняется довольно печальным положением среднего образования в Соединенных Штатах. Университеты получают поэтому весьма плохо подготовленных студентов. Сверх того, огромный рост числа студентов, большинство которых не принадлежат к семьям интеллигентов, в нашем смысле этого слова, еще более осложняет дело. Поэтому первые два года университетской жизни студента носят по необходимости гимназический характер. Для настоящего университета, в европейском смысле этого слова, масса американских студентов первых двух лет не подготовлена.

В виду этого организация обучения в первые два года является очень сложной проблемой, незнакомой Европе. Требуется огромный штат младших преподавателей, набрать которых очень трудно. Необходимо создавать новые методы обучения, на что младшие преподаватели не способны. Как в огромной образовательной фабрике, в университетской жизни наблюдается движение по линии наименьшего сопротивления, т. е. по пути механизации обучения. Нечего и говорить, что все это сильно затрудняет работу профессором и несколько принижает лучших студентов, но особенно поднимая худших. Власть такая система и на развитие самостоятельного, независимого мышления среди студентов, склонность больше к запоминанию сведений, чем к размышлению, так что повторные экзамены являются основой обучения, и что отбраски и заметки играют руководящую роль в жизни студенчества.

После двух лет обучения гимназического характера начинается специализация. Через четыре года в общей сложности студент получает первую степень. Но так как в два года особенно углубиться в какую бы то ни было специальность весьма и еще меньше можно далеко продвинуть самостоятельную

работу, большинство лучших студентов остается в университетах на дальнейшие два или три года. Это так называемые graduate students. Их работа сосредоточена в особых graduate schools с особым деканом и особой организацией. После работы в этих студентах приобретают степень магистра и доктора. Эти школы работают энергично и хорошо. Можно пожелать им дальнейшего развития. Они уже дали ряд выдающихся ученых и талантливых работников. Можно пожелать только о том, что недостаток в хорошо подготовленных преподавателях и отсутствие средств у большинства graduate students заставляла их отдавать слишком большую часть своего времени обучению своих младших коллег, студентам первых двух курсов и мешает им углубиться в серьезную самостоятельную работу.

К сожалению, статья моя разрослась и я не могу остановиться на вопросах о психологии и жизни студенчества в Америке. Этому вопросу надо было бы посвятить особую статью.

М. Ростовцев

Великорусская рапсодия («КОСЦЫ» БУНИНА).

В дни оны монастырской живописец умирал, благословясь, убитый в маю вымык на страннйх лицевом Апокаипсека вей первыи и апрелюв их, предстоищих Богу, Коия Быхадаго и владнль да немь, разрушенные города земл, авалены ввбра и на немногих доймах мнннаторы выписать каждый листок и каждую тычинку у лнлн дола. Не так же ли в нарочно тесное пространство шести печатных страницек Бунин заохотл уложит огромное, истинный образ Россн и неясное толение наших душ, Россн вымкующих. Из семн воспоминаний он извлек единое и на весь сосредоточил животоряющее услие памяти. Не в торжественном и замысловатом, пронсазани, не в символик достопамятных исторических событий являл он наш образ родины, а в незначащем, на первый взгляд, эпизод, в случайном отблеске быденного и мирного когда-то нашего бытн.

«Косцы» в малых своих размерах и четком распорядке хранят пропорции, которые не пропали. Словесный материал и повествовательная форма вещи проста, но значительна и выразительна каждого слова усугублены особым на него упором.

Недаром в этой поэме о юности косцы Бунин хладнокровно и, видимо, с некоторым гордым и влесть смиренным чувством своего признания подъял двойное бремя двух мотивов, уже осуществленных в них смыслом двумя величайшими мастера-

ми русской поэзии и величайшим носителями русской суи. Я разумно, конечно, «Пыль» Тургенева и заименную диллю понос в «Дни» Баренштейна. «Косцы» Бунина — деревенский жест былинного богатыря, шатающегося подтянуть сумку Миклуша Сергеевича.

«Мы зашли далеко от дому и шли по большой дороге, а они косили в молодом березовом лесу по близости от нас и пели».

Раскалз, в сущности, весь; больше ничего не произойдет; мы вкуда не двинемся дальше; но смысл встречи этой будет обогащаться, разнообразиться, шириться до конца. Так в эту краткую формулу — включию включию существо сюжета. Эта первая фраза естественно и четко раздлена цезурой — заглавнй наузой в славь, на две почти равные части. Это мелкое равенство частей и отнажает ритмическую прозу от симметричного строения стиха. И легкую, но столь важную, асимметрию эту мы встречаем равно в «Стихотворении в прозе», в «Petits poemes» Бодлера или в «Каталогических» Пиндероса.

Итак, тема дана в нескольких тактах и через, не то надо выразить это бездельное счастье; быть с Россией и все гайкое старованье, летали о ней. Надо заставить зазвучать, все тембы и все регистры этой музыкальной основы. «Они», косцы, их мнрнй шаг и нте не послужат, делодической линией расказа; «мы», слушатели этого пения тогда, а сегодня изгнанники, станут для этой мелодн звуковой средой, резонатором. И тогда обаяющий стержень сюжета облетел в светлым ритм гармонии.

Все это не поэтический уподобленн. На самом деле в «Косцах» музыкален не только предмет расказа, но и прием расказчика. Композиция вещи отбывает формы темь ее вариаций. В плане логическом мы знаем, что метод Бунина «раскрытием понятий»; классическая «риторика» именуется ее «амплификацией», расширением. Музыкальный мотив первой фразы: они пели, мы слушали. От абзаца к абзацу он будет повторяться, во обростая образами, околнностями, новыми обликми вещей, насыщаясь звуками и красками «Срединной, исконной» русской природы.

«Они косили и пели, и весь березовый лес (и т. д.)... «кошечки» скрипка.

«Мы, слушая, сперва замедлили шагн и косцы... вторнй, откликнулись, струнная группа.

И когда широко развернулась картина «забытой» или забытой — Богом страны, тема вступает вновь: «И они шли и шли среди ея ввчной полевой тишины».

И вновь становится это, души вибрирует словно полость скрипки: «Но петь, в томь, что слушали мы, было нечто еще ни разу и никгда не сказанное».

Между тем, в кратком интермеццо, проходить боковая тема, словно ритмическая основа главной: косцы косят. Это мирное движение и дивный, древний, как мнр, жест косца еще раз, на протязаннй раз-каза, всплывают и сопрягаются с мелодическими ходами пения:

И эта кривая оть влх же и вптлалсь — хозяйничала, как у себя, в их нншем добр, обтвдана посльднее — она была все в бассейне был ея и де было никакого средства оть все отблзаться.

У Семена Соломоновича душа умирная, а говорить он не быстро и как-то застенчиво. И вырвавшись из бассейна и протреснувшись, как сам он выражается, до Петербурга, — удерживает что ни на что не жаловался.

А в дом, у них всегда полно. Я не знаю, когда бы у Семена Соломоновича не гостил кто или, по крайней мнре, не ночевал.

И скажу про себя, приходилось мнр в жизни раннее влать, и однажды, очутившись без крова в осеннем петербургском холоде, я вспомнил именно про Семена Соломоновича и, хоть час был позаннй, рвнвлсь к нему постучаться. И не ошибся: в теши позаннй оть меня поч почечевать с иршунками в теплой дтской, гд вграли днем —

Ляля, Буба, Капочка.

Хлеб другой раз не достанешь — в воскресенье в наших краях по военному-то времени особенно съ хлеба горю! — Семень Соломонович вырчит. Вот же тоже с прованн мушкетер, ни пошла не было, принес везанку. И шпурту для машины придал.

Вот какой Семень Соломонович изн попорту Соломонович, как называли его да его незлобное сердце простое являл, та Аннушка — Нюдря, Сама — рябая и Паташа нянжа — соедь влать, как то так утравивший и соловн без великого стора либо сезнться в одном дель с нами, либо на той же самой уацц по соседству.

«И косцы подыгались, без малбшаго уелнл». Скобка закрыта, и в рядь вариаций, переходя из тональности в другую, раскрывается очарование пения. «Не высказат вполн, в чемь, такая дивная прелесть их пения», оговаривает поэг и тут же вытается это высказать в эрихическом комментарии, разлеченном повторением короткого мотива: «прелесть ся была».

«Прелесть ся была в отлнках, в звуочно-ти березового леса. Прелесть ся была в томь, что никак не была она сама по себе... Прелесть ся была в томь, несомненно, по кровномь родств, которое было между ими и нами... Прелесть ся была в томь, что все мы были дтн своей родины... И еще в томь была прелесть».

От каждого настойчивого поворота к другому пафть прозы ширится и все больше вобрать он чувства и образы, пока, наконец, не прозвучит в последний раз:

«Прелесть была в томь, что это было как будто и не пвня, а именно только вздох, подема молодой, здоровой и плвучей груди». И отсюда уже широко летят проза Бунина, волна за волной, фраза за фразой, смыкаясь простыми и торжественными словами «И».

«И косцы подыгались»... «И прекрасны совершенно особой, чисто русской красотой были те чувства».

Симфоническое вступление конечно; мы слышим, наконец, самую слова пения:

«Ты прости прощай любезный друг».

Каждому дуэтишню придало Бунин как бы подстроило Толкование и, когда во вторичной репрнз проходит передь нами пвня косцов, онь раскрывает нам в заунывных словах ее безконечно радостный смысл.

«Еще одно, говорю я, было в этой пвни, — и то, что хорошо знали и мы и они, эти разнкие мужики, в глубннй души, но тоже не сознавали, не днвали, чтобы сознать, обннать только теперь: это то, что безконечно счастливы и благозловенны Богом, были мы все в те прошлые дни безконечно далекие — и невозвратимые».

Пвня умоляет, гласит послввший свлть. В послвдних строках поэмы Бунина звучит совершенная беззащитность. Россия его «Косцы» для нас — Потерянный Рай.

Пусть не взыщет с меня читатель за то, что в этом блгозвмь омыт описательной критикн «музыка и разлать как грусть». Вопреки распространенному мнвню мнр кажется, что темь живые чувствует красоту вещи, статуи или поэмы, темь отчетливее ее понималн. Но, разумеется, в произведении художника кроется несомненная для формального разбора тайна, биеие сокровенной его жизни, нкая биологическая основа его бытн. И потому так трудно, вь кощц кощц, опредлнть, съ чемь такая прелесть страннй Бунина и почему воображенное нмь есть нечто русское, неодинокое, ни съ чемь неовторимое и без чего мы жить не можем.

Андрей Левинсон

ЮБИЛЕЙНЫЙ РАЗКАЗ

КУМЪ (Допотопное)

Разказать-ли вам о Я. С. Бахрахов, о его новом изобретении — чудоднственной палочк (в родь днрнжерской), которая на расстоянн безошочно показывал, гд и какал горячая порода есть и гд текут подоненная вода, как горячн, так и сладкая, и как онажид, длая опыты, пональ онь вь обвзвнью палату и что изь этого всего вышло —

«И вот Семень Соломонович, кумь и неизмвннмь соседь нашень, мнр, лучше я разказу вам про Семена Соломоновича: вдь сегодня его юбилейный день, сегодня вышло, как говорится, ровно двадцать пять лт!»

И я разказу вам про тв допотопная времена, когда жили мы в дорогой нашей России, в Петербурге, и говорили по-русски безь всякого страха и опасн.

Теперь Семень Соломонович не просто Соломонович, а Доктор Семень Соломонович — G. M. D. N.

Захочет, побдет по поденной дороге, а захочет, вь автобусь вогнется и скаклеть влать на страх и шарах, какь сама «седлат ошнстность», а то влать и полетать на аэронаплн вь Лейпциг и вь одинь, а съ проф. О. А. Браунном.

Самь Kaiser (Dr. R. Kaiser) бываеьт у него по длаемь вь контор!

Наконц, на Weisser Sonntag, по русски на Красную горку, выбрат почетнмь членомь Нового философского общества «Zvonerson», вознакншего обшествомь эмигрантской Волфам, а квартирная хозяйка еще съ Нового года влечаеть его и вь глаза и за глаза не вичне, какь Exzellenz!

И ужь два сына растут у Семена Соломоновича: Алексей, названный такь в честь Алексея Максимова, и Тошн,

что значить добрый. И не вписавономь голову оть жетт, а лозомь. И вь томь на Сейдере, по словамь безпристрастного свндетеля, съдль Семень Соломонович:

- 3 1/2 куска фаршированной рыбы,
- 2 1/4 курицы,
- 2 тарелка бульона съ 3 кнелздами,
- компот,
- а на загладку 2 стакача чаю, второн не допнл!

Ить, я разказу про тв времена, когда сердце его выдержало бы не три, а 33 кнелзда и был онь не Exzellenz, а просто Соломонович.

Какия у Семена Соломоновича дтн чудесная, если бы только вы ихь влдали: Ляля, Буба и Капочка!

Ляля самая внимательная и все пласуеть розовымь картинкн, Буба самая умная и говорить басомь,

а Капочка самая говоравлая и веселая.

И все онь очень заскопнл и привлчлнмь — чудесныя.

И встретншь другой раз вь праздннль на Камениостровскомь, по теперешнему на уацц Красныхь зорь, — наудь съ Семеномь Соломоновичемь — и такь тебь что-то обрадуются и такь зартормшат, и ты нмь обрадуешсь, какь зоря.

А какь хорошь самь Семень Соломонович, когда онь такь важно шестуеть съ своими любимыми шестубннми.

- Папочка! папочка!
- Папочка, посмотри!
- Папочка, обернись!
- Сквозь и самые гудки автомобильные улетаеть.
- И все останавливаются.

И всемь онь улыбаются и со всемь расказываются.

А увидеть кто — долго-ль до грбха, подвернется нога и на гладкомь мбелт! — и сейчас-же подымать бростеся. Ну, помошь какал ужь, не больше ея много, да оть участлнвостн влх много бываеьт: и ушншь забудешь и свнать прождть.

Да, хорошь съ нами Семень Соломонович!

И безь того во всемь добродуше, а ужь туть онь, какь весеннее солнышко, и чернавоыи очкн его огромныя такь и поблескивають хамелеономь.

А когда идеть онь одинь, все равно, вь нашнхь улн краяхь Камениостровскнхь или на Венскомь, онь и одинь, а все слово улыбаеьт.

А потому, должно быть, и улыбаеьт, вдь какь бы трудно и заботно ему ли было, а заботь у него, какь у солдата ранень, никогда не забываеть онь о своихь законныхь и неугомонныхь —

- о Ляль,
- о Бубь,
- о Капочкь,

У которыхь такь еще назевные назывкн и такн слова нбжныя.

И потому еще, что другое, такое же ярлкое, какь эта любовь, мечта его о самыхь невозможныхь сумасбродныхь затвяхь — эта мечта сумасбродная никогда не покидаеьт его.

За наше многолетнее соседство в другбу сколько на чонхь глазахь пронеслось вь душь его и самого волшебного и самого сказочного — тысяча-и-одна-ночь! — и самого, вь какь большн вынлдонек, такого головоломного, и какн только горы не нагорднл онь, мечта!

И эта кривая оть влх же и вптлалсь — хозяйничала, как у себя, в их нншем добр, обтвдана посльднее — она была все в бассейне был ея и де было никакого средства оть все отблзаться.

У Семена Соломоновича душа умирная, а говорить онь не быстро и как-то застенчиво. И вырвавшись из бассейна и протреснувшись, как сам онь выражается, до Петербурга, — удерживает что ни на что не жаловался.

А в дом, у них всегда полно. Я не знаю, когда бы у Семена Соломоновича не гостил кто или, по крайней мнре, не ночевал.

И скажу про себя, приходилось мнр в жизни раннее влать, и однажды, очутившись без крова в осеннем петербургском холоде, я вспомнил именно про Семена Соломоновича и, хоть час был позаннй, рвнвлсь к нему постучаться. И не ошибся: в теши позаннй оть меня поч почечевать с иршунками в теплой дтской, гд вграли днем —

Ляля, Буба, Капочка.

Хлеб другой раз не достанешь — в воскресенье в наших краях по военному-то времени особенно съ хлеба горю! — Семень Соломонович вырчит. Вот же тоже с прованн мушкетер, ни пошла не было, принес везанку. И шпурту для машины придал.

Вот какой Семень Соломонович изн попорту Соломонович, как называли его да его незлобное сердце простое являл, та Аннушка — Нюдря, Сама — рябая и Паташа нянжа — соедь влать, как то так утравивший и соловн без великого стора либо сезнться в одном дель с нами, либо на той же самой уацц по соседству.